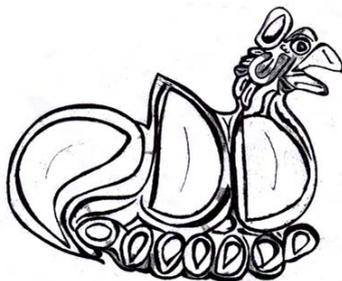

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
КАФЕДРА АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА
ВОО «ВОЛГО-ДОНСКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО»

**ХIII ВСЕРОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ СТУДЕНТОВ И АСПИРАНТОВ
«ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ»
(материалы конференции)**

Ростов-на-Дону – Таганрог
Издательство Южного федерального университета
2018

УДК [902+39+94] (398) (063)
ББК 63(45)
В85

*Печатается по решению кафедры археологии
и истории Древнего мира ЮФУ, протокол № 2 от 26.09.2018 г.*

Редакционная коллегия:

к.и.н., доцент Е. В. Вдовченков, ответственный редактор;
к.и.н., доцент Т. В. Богаченко;
к.и.н., доцент А. Л. Бойко;
д.и.н., профессор А. В. Кияшко, зам. председателя оргкомитета
конференции ВАКСиА;
к.и.н., доцент С. М. Ильяшенко;
к.и.н., доцент А. Н. Коваленко;
к.и.н., доцент С. Ю. Янгулов;
студент ИИМО ЮФУ Ю. Д. Кравцова, секретарь;
специалист М. А. Тихонова;
студент Т.И. им. А. П. Чехова О. Е. Атаманова

Оргкомитет конференции представляет тезисы в авторской редакции.

В85 XIII Всероссийская археологическая конференция студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы»: Материалы конференции / отв. ред. Е. В. Вдовченков. – Ростов-на-Дону ; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2018. – 248 с.
ISBN 978-5-9275-2933-9

В сборник включены материалы участников XIII Всероссийской археологической конференции студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы» (г. Ростов-на-Дону, 8–10 ноября 2018 года). Проблематика докладов охватывает широкий спектр вопросов археологии, древней истории и этнографии Восточной Европы. Для археологов, этнографов, историков.

ISBN 978-5-9275-2933-9

УДК [902+39+94](398)

ББК 63(45)

© Кафедра археологии и истории
Древнего мира ЮФУ, 2018
© Южный федеральный университет, 2018

Климушина А.И.

(выпускница исторического факультета СПбГУ)

научный руководитель – Бочкарев В. С.

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ ОТКРЫТИЯ МЕТАЛЛУРГИИ МЕДИ И БРОНЗЫ

По единодушному мнению исследователей, открытие металлургии меди и бронзы было одним из величайших достижений человечества. По словам известного немецкого ученого С. Хансена, это была инновация, которая изменила мир (Хансен 2013. С. 366). Г. Чайлд рассматривал металл как одну из важнейших предпосылок возникновения цивилизации.

В чем же состоит революционное значение горно-металлургического производства меди и бронзы? Отвечая на этот вопрос, прежде всего подчеркивают, что изделия из меди и бронзы, и особенно из бронзы, значительно повысили производительность труда (Черных 1972. С. 110-112; Черных 2005. С. 49; Рындина 2006. С. 149). Очевидно, особенно эффективным по сравнению с каменным оружием было оружие металлическое. Далее в литературе отмечают, что в конечном итоге металлопроизводство оказалось более рентабельным, чем каменная индустрия. Его преимущество заключается в том, что медь и бронза являются конвертируемыми материалами. Изделия из этих металлов могли бесконечное количество раз переплавляться и переделываться. Это позволило создать постоянный и стабильный запас сырья (Хансен 2013. С. 370). В литературе также нередко отмечают, что медь и бронза являются столь пластичными материалами, что они открывают бесконечные возможности для формообразования. Из них можно было отлить или отковать прочные изделия практически любой формы и любых размеров (Рындина 2006. С. 149). Наконец, некоторые авторы подчеркивают эстетические качества меди и бронзы. По их мнению, эти металлы могли играть важную символическую роль (Хансен 2013. С. 367).

Развитие древнейшего металлопроизводства привело к важным экономическим и социальным последствиям. Оно было одним из тех факторов, который способствовал развитию торговли и обмена, международному разделению труда, профессиональной и социальной

дифференциации общества, изменению традиционного менталитета (Черных 1972; Рындина 2006; Хансен 2013).

Важно подчеркнуть, что перечисленные преимущества производства металлургии меди и бронзы проявились не сразу и не повсеместно. Они сильно варьировали от региона к региону и от эпохи к эпохе. Наблюдается значительная разница между первичными и вторичными центрами производства, между эпохами меди и бронзы.

Рассмотрение этих вопросов следует начать с проблемы происхождения самой металлургии. По этому поводу в науке сформировались две точки зрения: моноцентрическая и полицентрическая. Согласно первой из них, металлургия возникла в одном месте и оттуда распространилась по всему Старому Свету. Полицентрическая гипотеза делает прямо противоположный вывод: металлургия могла зародиться в разных регионах, и независимо друг от друга. В качестве доказательства этого положения обычно ссылаются на металлургию Южной Америки. Но и в Северной Евразии, кажется, есть примеры конвергентного возникновения металлургии (Карелия).

Как показали сравнительно недавние археологические исследования, древнейшие металлические изделия появились в Юго-Западной Азии (территория современных Турции, Сирии, Ирана и Ирака). Они датируются IX – VII тыс. до н. э. и встречаются в слоях поселений еще докерамического неолита. Их известно уже достаточно много, и все они сделаны из малахита и самородной меди. Изготавливались эти изделия с помощью холодной и горячейковки. Очень показательным является их состав. Это преимущественно бусы, подвески (амулеты) и другие мелкие предметы. Производство такого рода изделий в указанном регионе продолжалось в течение очень длительного промежутка времени – три или четыре тысячелетия. По определению Е.Н. Черных, это был т. н. протометаллический период (Черных 2005. С. 50-52).

Как полагают многие исследователи, перечисленные металлические изделия докерамического неолита не играли сколько-нибудь значимой роли. Они не могли прямо повлиять на формирующееся в то время производящее хозяйство. Интерес к этим металлическим изделиям рационально можно объяснить только тем, что меди и изделиям из нее придавали некое эстетическое и символическое значение. Именно в таком качестве, по

мнению С. Хансена, они стали играть социальную роль (Хансен 2013. С. 367). Последнее обстоятельство и стимулировало на протяжении нескольких тысячелетий древнейшее производство медных изделий. Только в VI тыс. до н. э., с началом добычи меди из руды, оно становится настоящим горно-металлургическим производством. С этого времени орудия из металла играют не только символическую роль, но с каждым этапом приобретают все большее и большее социально-экономическое значение. Вероятно, тогда же появляются первые профессиональные мастера, и металлопроизводство приобретает специализированный характер.

Согласно диффузионистской модели, металлопроизводство Древнего Востока было заимствовано населением соседних регионов. В некоторых из них, особенно в тех, в которых были месторождения меди, возникли вторичные центры металлопроизводства. По понятным причинам они не прошли через т. н. протометаллический период. В некоторых из них металл изначально стал играть практическую роль. Из него изготавливали не только украшения, но и оружие, орудия труда и другие предметы утилитарного назначения. В этих центрах металлопроизводство изначально приобрело специализированный характер. Им занимались профессиональные мастера, кузнецы-литейщики.

Лучше всего изучены два таких центра: Карпато-Балканский (V-IV тыс. до н. э.) и Кавказский (V-IV тыс. до н. э.). В кавказском центре особенное внимание привлекает майкопское металлопроизводство (IV тыс. до н. э.). Оно выделяется необычайно высоким для своего времени уровнем развития. Здесь применялась уже настоящая бронза, разнообразные технологии обработки металла и очень широкий ассортимент продукции (Рындина, Равич 2014). Из металла в майкопской культуре делали разнообразные виды изделий: рабочие и боевые проушные топоры, топоры-тесла, долота, наконечники копий и дротиков, ножи и кинжалы, украшения и посуду. В целом, весь комплект майкопских металлических изделий указывает на очень высокий уровень развития общества.

Майкопская культура оказала сильнейшее влияние на становление и развитие степных культур Восточной Европы. Со временем в степи не только подражали майкопским образцам, но и разработали собственные стереотипы изделий.

Но на рубеже IV – III тыс. до н. э. по неясным пока причинам майкопская культура и ее металлопроизводство прекращают свое существование. Поразительно, что сменившие ее культуры демонстрируют гораздо более низкий уровень металлопроизводства. Это явление является ярким примером деволуции в социально-экономическом развитии древних обществ Северного Кавказа. Тогда же, в постмайкопское время, как на Северном Кавказе, так и в степной зоне, изменилось отношение к металлу и изделиям из него. Новый подъем северокавказского металлопроизводства начался только около середины II тыс. до н. э. Максимального своего развития оно достигает в кобанское время, на рубеже эпох бронзы и железа.

Приведенные данные показывают, что развитие металлопроизводства имело волнообразный характер. Оно сопровождалось как подъемами, так и упадками. В соответствии с этим изменялось отношение к металлическим изделиям, их общественное значение. В периоды расцвета металлические изделия могли использоваться не только знатью, но и более или менее широкими слоями населения. Они могли применяться в разных сферах, включая даже сельское хозяйство (серпы, мотыги). В периоды упадка сокращалось не только количество металлических изделий, но и их ассортимент. Мог произойти частичный возврат к каменной индустрии (кремневые серпы). Тогда металл в основном шел на изготовления оружия, украшений и некоторых престижных изделий. Вместе с тем менялась его экономическая роль и отношение к нему со стороны общества.

Список литературы

Рындина Н.В. Значение металлургии в развитии человеческой культуры и общества // Археология / Под. ред. В. Л. Янина. М.: Изд-во Мск. ун-та, 2006. С. 148-155.

Рындина Н.В., Равич И. Г. Общее и особенное в технологии металлопроизводства майкопских племен Северного Кавказа // Древние культуры Юго-Восточной Европы и Западной Азии. Сб. к 90-лет. со дня рожд. и памяти Н. Я. Мерперта. М., 2014. С. 135-154.

Хансен С. Металл: инновация, изменившая мир // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии: К 70-лет. со дня рожд. акад. А. П. Деревянко. Новосибирск, 2013. С. 366-378.

Черных Е.Н. Металл – человек – время. - М.: Наука, 1972. – 208 с.

Черных Е.Н. Пути и модели развития археометаллургии (Старый и Новый Свет) // РА. 2005. № 4. С. 49-60.

Чечина А.Ю.

(аспирантка ИИМО ЮФУ)

научный руководитель – д.и.н. профессор А.В. Кияшко

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД РОСТОВО-ЛУГАНСКОЙ ГРУППЫ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ НА ТЕРРИТОРИИ НИЖНЕГО ДОНА

Изучение катакомбных памятников эпохи бронзы продолжается более столетия и, хотя уже многое осмыслено, все же остается еще достаточное количество нерешенных проблем. Один из наиболее сложных вопросов – это культурно-хронологическое разделение памятников позднего этапа катакомбной культуры. В этот период на территорию Нижнего Дона в относительно единое культурное пространство начинают проникать группы с востока и севера, внедряются западные компоненты. При этом сохраняется влияние Кавказа. Разнообразие и одновременно схожесть ряда черт различных катакомбных культур усложняют процесс исследования.

В этой пестроте разнообразных культурных явлений еще в 70х гг XX в С.Н. Братченко выделил и описал особую ростово-луганскую группу (Братченко 1976. С. 102), вписав ее в круг манычских катакомбных памятников. При этом автор подчеркнул ярко выраженное влияние донецких и бахмутских культурных традиций.

Впоследствии А.М. Смирнов в 1996 г. значительно дополнил и расширил представления о ростово-луганской группе на территории Северского Донца, пересмотрел некоторые культурные индикаторы (Смирнов 1996. С. 56), наметил 2 этапа в существовании керамической традиции (Смирнов 1996. С. 77).

В 2001 г С.Н. Санжаров в своем исследовании описывает ростово-луганскую группу, не выделяя ее из бахмутского круга памятников (Санжаров 2001.).